

ских языков, включая СЛЯХ, в значительной мере предопределено историей возникновения здесь этих конструкций.

Как известно, эргативные конструкции в индоиранских языках носят вторичный характер, продолжая древние причастные обороты, построенные на базе перфектных пассивных причастий и носившие первоначально пассивно-посессивный характер (подробнее об их истории см. [18, с. 192—224; 19, с. 9—34; 20, с. 481—488]). Их сфера функционирования в большинстве этих языков, включая СЛЯХ, ограничена теми видовременными формами, которые продолжают эти конструкции и не распространяется на продолжения древних флективных форм и на те аналитические формы, которые строятся на базе других причастий. В результате, например, в иранских языках предложения с переходными глаголами могут иметь три разные схемы построения: номинативную-активную (т. е. не пассивную) в системе непрошедших времен, эргативную в системе прошедших времен и пассивную в различных временах, при этом эргативная конструкция «находится практически в дополнительной дистрибуции к номинативно-активной конструкции, от которой отличается лишь формально, а не по характеру выражаемых отношений» [21, с. 24—25].

Рассмотрим некоторые специфические особенности СЛЯХ.

Прежде всего нужно отметить, что СЛЯХ располагает лишь несколькими значащими флективными формами, или флективными окончаниями, которые могут быть идентифицированы вне речевого потока.

На уровне субстантивов таким формантом может быть только показатель множественности *o*, который сигнализирует о наличии послелога. (Случаи беспослеложного употребления показателя множественности относятся к отдельным собирательным существительным: махино бит гаёе — «прошли месяцы»).

На уровне глагола такими элементами могут быть: 1) окончание 1-го лица в синтетических глагольных формах (май ликх + *y* — «я бы написал»), поскольку все остальные личные окончания относятся или к нескольким лицам (ту /вах/ ликх + *e* — «ты /он/ бы написал»), или к разным наклонениям (тум ликх + *o* — «ты напиши», «ты бы написал»); 2) суффикс *m* и флексийное окончание *a* для причастий несовершенного вида (ПНВ); 3) суффикс будущего времени *g* и флексийное окончание *a*, присоединяемые к личным окончаниям сослагательного наклонения (май ликх + *y* + *g* + *a* = ликхуга — «я напишу»); 3) флексийное окончание *a* для ПСВ (ср. ликх + *m* + *a* = ликхта — «пишущий» и ликх + *a* = ликха — «написанный»).

Таким образом, в СЛЯХ идентификация функций большинства словесных форм (синтаксем) происходит на уровне синтаксических построений, где важное, если не основное, место занимает структурная линейность построения, например: нивеш байнк — «инвестиционный банк» и байнк нивеш — «банковская инвестиция»; невла сап кхата хай — «мангуста поедает змей» и сап невла кхата хай — «змея питается мангустами».

Отсутствие морфологических средств, показывающих на отношение слов друг к другу, свидетельствует о том, что в СЛЯХ нет категории падежа имен существительных, поскольку все флексийные их окончания сигнализируют только о наличии послелога, но ничего не говорят о характере отношений между словами, т. е. формы ларке ка и ларко ка обладают определенным набором отношений, которые дешифруются только на уровне словосочетаний и предложений (ларке ка гхар — «дом мальчика», йах гхар ларке ка банайа хай — «этот дом построен мальчиком», ларке ка ана — «приход мальчика» и т. п.). Следовательно, в СЛЯХ нет того, что теперь принято называть «поверхностными падежами» (см. [22, с. 303]). Мы полностью согласны с А. П. Баранниковым, который еще в 20-е годы отрицал наличие падежа в СЛЯХ [1, с. 35]. На это же указывает и известный индийский лингвист Маулави Абдул Хак [23, с. 205].

Сути дела не меняет и попытка отдельных авторов подвести под па-